

ПОЛИТОЛОГИЯ

DOI: 10.31857/S086919080004472-6

УСИЛЕНИЕ КОРПУСА СТРАЖЕЙ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ИРАНА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИСКА
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСБАЛАНСА

© 2019

Д. Б. ГРАФОВ

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия
graftvc@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются роль Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) в политической жизни Ирана, усиление его влияния и внедрение в экономику, реакция на последние внутри- и внешнеполитические события. Дается оценка борьбе идеологических и групповых интересов внутри иранских элит, делается прогноз политического процесса, анализируется расстановка сил на политической сцене Ирана.

Ключевые слова: Корпус стражей Исламской революции, Верховный лидер, Хаменеи, Рухани, протесты, оппозиция.

Для цитирования: Графов Д. Б. Усиление Корпуса стражей Исламской революции в политической системе Ирана и возникновение риска политического дисбаланса. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 147–157. DOI: 10.31857/S086919080004472-6

THE STRENGTHENING OF THE ISLAMIC REVOLUTIONARY GUARD
CORPS IN THE POLITICAL SYSTEM OF IRAN
AND THE RISK OF POLITICAL IMBALANCE

Dimitry B. GRAFOV

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; graftvc@mail.ru

Abstract: The article deals with the activity of the Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC) and how it impacts political system of Iran. The IRGC's power is growing amid the confrontation with President Rouhani's government and other political actors that can be considered moderates and reformists. The Iranian Revolutionary Guard Corps is not only a military and paramilitary organization that is meant to defend the ideals of the Iranian Islamic Revolution: the growing role of the IRGC impacts both Iranian power structure and Iranian economy. The rising power of the IRGC may deter political dialogue between reformists and conservatives, trigger opposition activity and lead to unrest and destabilization of the Iranian political system. Iran's system of power can be attributed as a hybrid democracy. Religious democracy conceals the rule of religious autocracy. This allows the political system, on the one hand, to have extraordinary stability and, on the other hand, to demonstrate flexibility and the ability to seek ways of modernization. The demand of opposition for secularization and free elections challenges the ayatollahs.

However, there is no real confrontation between reformists and hardliners as they belong to the same class. Only street opposition may disturb the regime. At present the IRGC has the ability to suppress any such unrest. The IRGC has long proved successful in defending their interests under the tight sanctions,

and new U.S. sanctions will not fully exclude Iran from the global financial and trading system. The Guards will keep their power. But if new U.S. sanctions harm Iranian economy considerably and the number of protesters grows, changes in the Iranian power system may happen and the Guards may prove unable to prevent this course of events.

Keywords: Islamic Revolutionary Guard Corps, IRGC, Supreme Leader, Khamenei, Rouhani, riots, opposition.

For citation: Grafov D. B. The strengthening of the Islamic Revolutionary Guard Corps in political system of Iran and the risk of political imbalance. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. C. 147–157. DOI: 10.31857/S086919080004472-6

Государственно-политическое устройство Исламской Республики Иран отличается уникальной гибридной структурой двух политических механизмов: в центре находится теократическое ядро, которое контролирует и гарантирует «исламский путь развития» (рамки, в которых может развиваться политический процесс), а сам политический процесс обеспечивается республиканской оболочкой с институтами президента и парламента.

Эту систему власти можно квалифицировать как разновидность гибридной демократии – демократии религиозной. Политическая система Ирана демонстрирует, с одной стороны, необычайную устойчивость, а с другой – гибкость и стремление к модернизации. Пока она соответствует социально-политическим вызовам, главным из которых является появление оппозиции, выступающей за секулярный и демократический путь развития. Система противовесов в лице республиканских и теократических органов власти обеспечивает определенную стабильность режима, однако их противоречивость создает возможность дестабилизации [Иран..., 2009, с. 141].

Идея государственного устройства основана на принципе *Вилаят аль-Факи*, т. е. «государства просвещенных» (الفقيه ولايته), или «государства факихов»¹. Одним из факихов должен быть Верховный лидер, под контролем которого работают светские республиканские институты. Согласно Конституции Ирана, хранитель верховной власти – духовный лидер (Верховный лидер, рахбар) отбирается специально выбранными факихами (фатихами) путем многочисленных консультаций [Манчухри, 2007, с. 34–37]. Факихи образуют Совет «выборщиков» (шиитских богословов-правоведов), который состоит из 86 членов, избираемых на 8 лет. Верховный лидер (в данный момент аятолла Али Хаменеи) определяет общую политику государства, но консультируется с Советом по определению государственной целесообразности. Через представителей своей канцелярии Верховный лидер контролирует деятельность всех ветвей власти. К его прерогативе относится назначение главы судебной власти, главнокомандующего Корпусом стражей Исламской революции, главнокомандующих вооруженными силами и внутренними войсками. Несмотря на то что президент Ирана избирается путем всенародного, прямого и тайного голосования, Верховный лидер подписывает указ о его назначении; также он назначает шесть факихов в Наблюдательный совет (из 12 членов). Не Президент, а Верховный лидер объявляет войну и заключает мир, объявляет амнистию, смягчает приговор (если это предлагает глава судебной власти). Помимо государственного телевидения и радиовещательной компании под контролем Верховного лидера находятся крупнейшие газеты «Этгелаат» и «Кейхан». Он контролирует Высший совет культурной революции (ВСКР). Решения ВСКР не требуют специального одобрения парламента и становятся законами автоматически.

¹ Подразумевается, что в эпоху Большого сокрытия двенадцатого имама Мухаммада аль-Махди руководство шиитами переходит к компетентным шиитским факихам и муджтахидам (высокопоставленным факихам).

Роль теократического контрольного механизма в Иране играет Совет по определению государственной целесообразности. Он был создан в конце 1988 г. по решению имама Хомейни, главным образом как арбитражный орган, призванный разрешать противоречия между меджлисом и Наблюдательным советом, проверяющим соответствие принятого закона принципам Конституции и ислама. Закон, принятый меджлисом, не может вступать в силу без одобрения Наблюдательного Совета.

Особую роль в политической системе Ирана играет Корпус стражей Исламской революции, который является структурой, подотчетной лишь Верховному лидеру. С одной стороны, КСИР как институт власти имеет явно выраженные силовые функции – это часть вооруженных сил и разведки. Он имеет свой штаб командующих родами войск, территориальные командования, подразделения сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, составляющих костяк вооруженных сил Ирана, и отряды «Кодс», осуществляющие специальные операции. КСИР отвечает за борьбу с подрывными элементами внутри Ирана, проведение спасательных операций в чрезвычайных ситуациях, за помощь в охране государственных учреждений, религиозных и политических деятелей и за подготовку народного ополчения «Басидж». С другой стороны, как политический институт КСИР обеспечивает контроль над идеологией, политической мобилизацией, разработкой новых видов вооружений и технологий, развитием стратегических секторов экономики. Статья 150 Конституции определяет основную задачу стражей как защиту завоеваний Исламской революции.

По военным вопросам решение принимает главнокомандующий, который опирается на высший совет командования, аппарат заместителей, объединенный штаб и штабы видов вооруженных сил. Главнокомандующий КСИР назначается Верховным лидером и подчиняется только ему. Но в Корпусе стражей имеется постоянный представитель Верховного лидера, осуществляющий идеологический (религиозный) контроль и контроль над исполнением приказов Верховного лидера. В свою очередь, постоянный представитель имеет собственных подчиненных во всех подразделениях КСИР. По сути, это напоминает способ контроля над армией, использовавшийся большевиками, направлявшими в вооруженные силы политработников.

Следует заметить, что представители Верховного лидера есть и в армии, и в провинциях, и в университетах. Об особых отношениях между КСИР и Верховным лидером говорит его участие в торжествах, посвященных КСИР и «Басидж». Важную роль играют бывшие члены Корпуса, занимающие высокие посты в министерствах, армии, в концернах и холдингах, контролируемых КСИР, и в компаниях с государственным участием, в том числе за рубежом. Среди бывших стражей Революции есть губернаторы, послы, руководители администрации Верховного Лидера, депутаты меджлиса (от 15 до 30%) [The Islamic..., 2008].

КСИР И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛАГЕРЬ КАК ПРОТИВНИКИ ПРЕЗИДЕНТА РУХАНИ

В мае 2017 г. президент Хасан Рухани был переизбран на второй срок с большим перевесом голосов (57%). Но уже 16 июня в Иране был арестован младший брат президента Хосейн Ферейдун [Hossein Feredoun..., 2017].

Расследование фактов коррупции чиновников в окружении главы государства началось в 2015 г. Под следствие попали 397 человек. Дело активно обсуждалось в мечетях и стало темой некоторых проповедей. Многим обвиняемым пришлось покинуть госслужбу и вернуть незаконно полученные деньги. Брат президента обвинялся в получении в 2013 г. средств на избирательную кампанию Рухани от известного миллиардера Бабака Занджани, которому инкриминируется хищение из фондов Министерства нефти

2.6 млрд евро. За многочисленные финансовые махинации Занджани был приговорен к смертной казни, которую вскоре отменили, хотя допросы продолжались. Кроме того, Ферейдун обвинялся в получении безвозвратных займов от банков и в назначении на руководящие посты в государственных компаниях партнеров по бизнесу [Iranian President..., 2017].

Уже через сутки после ареста брат президента был освобожден [After one day..., 2017], но сам факт ареста можно рассматривать как свидетельство острых противоречий между «умеренным» президентом Рухани и поддерживающими его либеральными политиками, настроенными на сближение с США, с одной стороны, и КСИР – с другой. Именно материалы, предоставленные Корпусом стражей, послужили основанием для ареста Ферейдуна. Смысл этой акции консервативного лагеря состоял в том, чтобы указать Рухани на необходимость пересмотра его либеральной политики [Iranian President..., 2017].

Чтобы получить возможность для выдвижения кандидата на пост президента от лагеря консерваторов, ими был создан Народный фронт Исламской революции, возглавленный бывшим заместителем командующего КСИР генералом в отставке Мохаммадом Багером Золькадром. Перед президентскими выборами 2017 г. спецслужбой КСИР были арестованы 12 журналистов и руководителей некоторых телеканалов, выступавших в поддержку Рухани и действовавшего правительства. С острой критикой президента выступил пресс-секретарь КСИР Масуд Джазари.

В свою очередь, сторонники Рухани утверждали, что арест Ферейдуна, являвшегося главным советником президента, был обусловлен его активным участием в переговорах по «ядерной сделке» с Западом [Iran hardliners..., 2017]. После Венских соглашений 2015 г. по ядерной программе Ирана² депутаты парламента (даже из центристского лагеря) обвиняли брата президента в «соглашательстве с Западом». Ядерная сделка стала маркером противостояния КСИР и Рухани, так как именно глава государства добивался ее заключения, а руководство Корпуса стражей всегда выступало против любых договоренностей с «врагом Ирана» – США. Лидеры КСИР не верили в ослабление санкций после выполнения Ираном условий Запада. Тем не менее стражи вынуждены были принять ядерную сделку, так как ее санкционировал Верховный лидер. Но к Рухани они сохранили враждебность, полагая, что он покушается на их интересы [Iran's elite..., 2016].

В политическом развитии Ирана большую роль играют не только идеологические, но и групповые интересы. Одним из главных противников президента Рухани считается член Совета хранителей Конституции аятолла Садега (Амоли) Лариджани, брат которого – Али является спикером парламента, а сам Садег входит в число приближенных к Верховному лидеру аятолле Хаменеи, одним из наиболее вероятных преемников которого он рассматривается. Что касается Али Лариджани, то он может на очередных выборах сменить кресло спикера на офис президента. Садег Лариджани также находится в тесных отношениях с командующим силами специальных операций КСИР – «Кодс» генерал-майором Касемом Сулеймани [Amoli..., 2016].

Корпус стражей Исламской революции озабочен потерей влияния на часть иранского общества, прежде всего на молодежь и представителей деловых кругов, которые с приходом Рухани воодушевилась курсом на перемены, надеждой на повышение уровня жизни, некоторыми гражданскими свободами и перспективами нормализации отношений с Западом. Консервативный лагерь недоволен популистской социальной политикой Рухани, которая отвлекает иранский народ от идеологии «осажденной крепости» – основного

² Совместный всеобъемлющий план действий – СВПД; англ. Joint Comprehensive Plan of Action, сокр. JCPOA; перс. همکارب عماا مافا کر تاشم), соглашение, которое было заключено в 2015 г. между Ираном, с одной стороны, и США, Россией, КНР, Великобританией, Францией, Германией – с другой, с целью ограничения иранской ядерной программы в обмен на отказ мирового сообщества от санкций против Ирана.

инструмента мобилизации и поддержки, в том числе и КСИР. По мнению консерваторов, Рухани апеллирует к ценностям «общества потребления», обещая увеличить покупательную способность населения, создать новые рабочие места, сократить разрыв в материальном положении между богатыми и бедными, т. е. проявляет заботу об интересах граждан, что может привести к ослаблению власти и влияния его противников.

Экономическая политика Рухани предполагает оптимальное распределение субсидий, снижение уровня инфляции, сокращение безработицы, импортозамещение и расширение экспорта, обеспечивающего приток иностранной валюты. Главную роль в экономической сфере играет – под контролем правительства – Организация управления и планирования, что вызывает недовольство КСИР. Так, его руководство было неприятно удивлено смелостью правительства, в 2016 г. раскритиковавшего многомиллиардный проект сверхскоростной железной дороги, продвигавшийся КСИР. Правительство настаивало на сокращении сметы и привлечении западных компаний на конкурсной основе для выполнения части работ [Iran's Government..., 2016].

Корпус стражей Исламской революции еще при президенте Махмуде Ахмадинежаде (2005–2013) трансформировался в своего рода политическую партию. Ахмадинежад не имел надежных связей в клерикальных кругах, но начинал свою карьеру в КСИР, в частях «Басидж», и после его избрания ветераны КСИР составляли около половины его кабинета. Бывшие «стражи революции» получили почти треть мест в парламенте, и на выборах 2008 г. в восьмой Меджлис 31.5% кандидатов были ветеранами Корпуса [The Islamic..., 2008].

Претензия КСИР на контроль над экономикой послужила еще одной причиной обострения разногласий между консерваторами и реформаторами.

РОЛЬ КСИР В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ

Первой экономической задачей Корпуса была организация производственного процесса для победы в Ирано-иракской войне 1980–1988 гг. После ее окончания КСИР занялся восстановлением экономики Ирана [The Guard..., 2010]. Статья 147 Конституции позволяет правительству в мирное время использовать армию «в производственных и созидательных целях» [Конституция..., 2018]. КСИР создал гигантский строительный конгломерат «Хатам аль-Анбия» с оборотом (в 2008 г.) в 12 млрд долл. и числом сотрудников, достигающим 40 тысяч. Рост экономической империи КСИР ускорился в период правления Махмуда Ахмадинежада, во время Ирано-иракской войны сражавшегося в рядах «Басидж». Благодаря ему «Хатам Аль-Анбия» получил – на «внеконкурсной» основе – большой объем выгодных заказов, в том числе контракты на сумму в 2.4 млрд долл. на строительство линии тегеранского метро [Mehdi, 2007], на сумму в 2.5 млрд долл. – на ввод в эксплуатацию крупнейшего газового месторождения «Южный Парс» после того, как из-за санкций [Katzman, 2018] работу на нем прекратили западные нефтяные компании «Shell», «Repsol» и «Total» [Iran: Shell..., 2008]. В 2010 г. КСИР контролировал треть экономики Ирана [Expanding..., 2010].

Когда в мае 2018 г. президент Соединенных Штатов Дональд Трамп заявил о выходе из соглашения по ядерной программе и о возобновлении санкций, иранская «постсанкционная» экономика уже заметно отличалась от «досанкционной». За время действия санкций большая часть крупных компаний, в том числе топливно-энергетических и нефтехимических, оказалась под контролем КСИР и Исполнительного управления Имама Хомейни – EIKO (The Execution of Imam Khomeini's Order, امام فرمان یی اجرا ستاد, Setade Ejraiye Farmane Emam) [Графов, 2018]. Кроме того, 14 промышленных гигантов прямо или косвенно управляются администрацией Верховного лидера или ее филиалами [The Rise..., 2017, p. 15]. Стоимость активов, принадлежащих EIKO-Setad, по разным оценкам,

в 2013 г. составляла 95 млрд долл. Из них около 52 млрд приходились на недвижимость и 43 млрд – на корпоративные активы [Khamenei..., 2013].

Обычно для контроля использовалась «буферная» схема, предполагавшая создание промежуточных компаний, приобретавших долю в активе. Через них большая часть значительных по размеру или по направлению деятельности структур оказывались подчиненными Корпусу стражей Исламской революции и администрации Верховного лидера. Из 110 соглашений на сумму не менее 80 млрд долл., подписанных после заключения ядерной сделки в июле 2015 г., 90 приходились на компании, принадлежащие государству [After Iran's nuclear pact..., 2017]. Конечно, и до введения жестких санкций государственные компании выступали партнерами иностранных инвесторов, государство играло существенную регулирующую роль, а КСИР выполнял надзорные функции, но позиции Корпуса в экономике заметно усилились. Теперь он не только участвует в переговорном процессе, оценивает иностранных инвесторов с коммерческой и идеологической точек зрения, следит за соблюдением государственных интересов, но и по сути является владельцем бизнес-активов.

История превращения стражей Исламской революции в менеджеров и построения мощной и разветвленной сети контролируемых ими предприятий связана как с попыткой Ирана избежать давления американских и международных санкций, так и с решением возложенной на КСИР задачи реализации ядерной и ракетных программ, что требует расширения масштабов использования экономического и научного потенциалов. Роль КСИР как «организатора и куратора» наиболее критичных для выживания Ирана программ не укрылась от его «врагов», и США наложили на Корпус дополнительные адресные санкции, коснувшиеся части активов и сделок. На КСИР также возложена задача поддержки – финансовой, экономической, военной – союзников Тегерана: Дамаска, ливанского движения «Хезболла» и шиитского ополчения Ирака. 8 апреля 2019 г. президент США Д. Трамп объявил о внесении Корпуса стражей Исламской революции в список иностранных террористических организаций.

КСИР И РИСК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСБАЛАНСА

Возникают вопросы: насколько противостояние Корпуса стражей исламской революции реформистским силам в правительстве является идеологическим? Или это в большей степени борьба личных и групповых интересов?

Согласно Конституции, КСИР защищает завоевания Исламской революции от любых врагов: внешних и внутренних, военных и гражданских. Так, после Революции Корпус принял активное участие в разгроме внутренних оппозиционных партий, таких как «Моджахедин-Э-Халк» и «Тудех». Президентство реформатора Мохаммада Хатами³ вызвало у лидеров КСИР опасения, что «реформисты» могут создать угрозу завоеваниям Исламской революции. Эту тревогу разделял и Верховный лидер Хаменеи, исключивший ядерную программу из сферы компетенции президента Хатами и передавший ее Высшему совету национальной безопасности, фактически превратив его в теневое правительство. После подавления силами КСИР и «Басидж» студенческих волнений 1999 г. 24 высокопоставленных чиновника Корпуса опубликовали открытое письмо к Хатами, осуждавшее беспорядки и предупреждавшее президента о готовности КСИР «навести порядок своими силами» [The Islamic..., 2008].

³ Президент Ирана (1997–2005), получив 69,5 % голосов избирателей (1997), объявил о начале политики терпимости, смягчения религиозного контроля над различными сферами культуры и общественной жизни, попытался установить более тесные связи со странами Запада.

Усиление политических позиций КСИР в период президентства Махмуда Ахмадинежада встретило сопротивление со стороны части религиозной элиты, например Хасана Рухани, который, до того как стать Президентом, пользовался репутацией консервативного богослова. Против усиления власти КСИР выступал даже внук основателя Исламской Республики Хасан Хомейни, указывавший, что превращение Корпуса в самостоятельную политическую силу может угрожать свободному обмену мнениями, поиску правильных решений и сохранению политического наследия его деда. За это внук Хомейни подвергся жесткой критике со стороны президента и военной элиты [The Islamic..., 2008], что позволяет скептически относиться к «борьбе» между консерваторами и реформистами (либералами). То есть групповые интересы играют большую роль в борьбе за власть, нежели идеологические⁴.

У иранских сторонников жесткой линии есть и более радикальные противники – представители политической элиты. Например, Мехди Карруби (кандидат в президенты на выборах 2005 г.) и его единомышленник-реформист Мир-Хосейн Мусави (кандидат в президенты в 2009 г.) – известные лидеры так называемого Зеленого движения надежды (The Green Path of Hope) – после выборов 2009 г. были обвинены в разжигании беспорядков и помещены под домашний арест [Abbas, 2009]. Зеленый цвет использовался Мусави во время избирательной кампании, и власти рассматривали его как символ «цветной революции» в Иране.

Мехди Карруби, бывший в свое время спикером парламента, заявил в письме Рухани, что КСИР, «Басидж» и спецслужбы сфальсифицировали результаты выборов 2005 и 2009 гг., на которых победу одержал Махмуд Ахмадинежад, и использовали «головорезов» для нападения на критиков и политических конкурентов. Но содержание двух лидеров «зеленого движения» под домашним арестом в течение многих лет и без предъявления обвинения было более гуманной акцией по сравнению с массовыми казнями политзаключенных в 1988 г.

Нынешняя власть допускает публичную критику в свой адрес, обвинения со стороны оппозиции и предание огласке «инсайдерской» информации, что говорит о гибкости политической системы Ирана, о ее способности адаптироваться к современным реалиям и о готовности искать новые модели развития в целях сохранения власти. Показательно, что Рухани перед президентскими выборами 2013 г. не давал обещания освободить двух «зеленых», стремясь таким образом избежать лишних столкновений со сторонниками жесткой линии. И даже в 2016 г. он не снял обвинения с Карруби и Мусави, хотя они просили об этом [Iranian opposition..., 2016]. То есть «уличная» оппозиция – это совсем не то, что оппозиция в недрах самой власти, которую принято квалифицировать как «умеренную» или «реформистскую». «Уличная» оппозиция не видит принципиальной разницы между Рухани и религиозными лидерами и полагает, что под маской «умеренности» теократы занимается демагогией.

Особенностями крупнейших после 2009 г. волнений, наблюдавших в декабре 2017 – январе 2018 г., стали массовое участие в них молодежи, использование политических граффити, поджоги офисов территориальных отделений «Басидж», активизация женщин в борьбе против норм шариата. В одном только Тегеране было арестовано не менее 200 человек. Демонстрации начались под лозунгами недовольства экономическим положением, ростом стоимости жизни, но позже к ним добавились политические требования. Самым радикальным был призыв к аятолле Хаменеи уйти в отставку. Участие женщин в протестах оформилось как движение «Девушка с улицы Ингелаб», получившее название,

⁴ Борьба интересов в Иране может происходить не только между консерваторами и реформаторами. Пределы своей власти пытался проверить известный своим консерватизмом Ахмадинежад, но Хаменеи отстранил его от участия в президентских выборах 2017 г. [Hossein, 2017].

одноименное с улицей, на которой женщины в знак протеста против традиционных норм впервые начали срывать с головы платки [Iran protests..., 2018].

О степени либеральности, с которой президент Рухани позиционирует себя в публичном пространстве, можно судить по его реакции на протесты 2017–2018 гг.: «люди имеют право критиковать», но власти не потерпят «антиобщественного поведения», «критика отличается от насилия и разрушения» [Rouhani., 2017]. В свою очередь, КСИР развернул дополнительную сеть штабов и увеличил количество круглосуточных патрулей для борьбы с протестами во всех крупных городах.

Таким образом, на иранской политической сцене представлены три неравные силы: «реформисты», сторонники жесткой линии и «уличная» оппозиция, которую поддерживают иранские диаспоры за рубежом.

Попытки правительства Рухани потеснить консервативную гвардию, чтобы смягчить отношения с Западом и сохранить дверь открытой для европейских компаний, могут побудить КСИР ответить на вызов подавлением внутриполитических противников. Борьба между КСИР и реформаторами уже сейчас является катализатором протестной активности. Например, обсуждается возможность ограничения прав вали аль-факиха⁵ [Мартыненко, 2014], а это серьезный вызов. В статье 4 Конституции прямо говорится о том, что факихам принадлежит высшая законодательная власть: «заклучения по поводу соответствия законов исламским нормам выносятся факихами Совета по охране Конституции и исламских норм» [Конституция, 2018]. То есть факихи фактически обладают законодательным правом вето⁶. Однако даже среди шиитов существуют различные точки зрения на место факихов в системе государственной власти⁷.

Характерно, что с усилением внешнеполитической конфронтации после прихода в Белый дом Д. Трампа и особенно после восстановления США режима санкций в политической жизни Ирана появились две тенденции. Первая – разногласия между реформаторами и консерваторами стали почти незаметными, так как внешняя угроза сплотила иранские элиты как никогда ранее: во всяком случае, это единство демонстрируется в целях консолидации иранского общества. Например, иранские газеты обошла фотография командующего КСИР генерал-майора Мохаммада Али Джафари, обнимающегося с представителем реформаторов – министром иностранных дел Мохаммадом Джавадом Зарифом, получившим образование в США. Оба улыбаются, как бы указывая на «сплоченность перед внешней угрозой», а подпись под фотографией гласит: «У нас сходные позиции, просто мы по-разному их выражаем» [Iran hardliners..., 2017].

В то же время нельзя отказать властям Ирана в умении «работать» с Западом. Это было и во времена Мохаммада Хатами в конце 1990-х – начале 2000-х гг., и в конце правления Махмуда Ахмадинежада – перед избранием Хасана Рухани. «Не закрывать двери перед Западом!», «Не отворачиваться и верить!» – эти призывы использовались иранскими властями, подогревавшими у Запада надежду на то, что его шаги навстречу Тегерану будут способствовать укреплению позиций иранских реформаторов.

Все это свидетельствует о том, что идеологических разногласий в иранском руководстве нет. Деление на сторонников жесткой линии и умеренных прагматиков, стремя-

⁵ Вали аль-факих – букв. «правлящий факих».

⁶ Истоки права факихов находятся в шиитском фикхе, который аятолла Хомейни положил в основу государственного устройства Ирана. Доктрина шиитов подразумевает, что в эпоху Большого сокрытия двенадцатого имама Мухаммада аль-Махди руководство шиитами переходит к компетентным шиитским факихам и муджтахидам (высокопоставленным факихам).

⁷ Шииты ахбаритского направления не признают теорию «государства факихов» (ولاية الفقيه – *вилаят аль-факих*, «государство просвещенных»), полагая, что указания великих имамов о руководстве праведных и компетентных ученых в эпоху Сокрытия касаются только мухаддисов (хадисоведов), собирающих и передающих изречения пророка Мухаммада и Ахл аль-Бейт, а не управления государством.

щихся к сближению с Западом, условно и отражает конкретную внутривнутриполитическую ситуацию. Поиск новой модели политического развития входит в планы различных групп иранской элиты, несмотря на их борьбу за власть.

Вторая тенденция: рост протестной активности несистемной оппозиции. Раньше в условиях конфронтации с Западом участие населения в антиправительственных акциях резко сужалось; в 2018 г. демонстрации протеста стали частым явлением.

Можно обнаружить некоторое сходство между ситуацией, сложившейся в Российской империи до начала Первой мировой войны, и нынешней политической ситуацией в Иране. Прежде всего речь идет о существовании сторонников сохранения монархии, стремящихся противостоять оппозиции в органах власти. Кроме того, наблюдается «раскол» в правящей элите между фундаменталистами и «реформаторами»; набирает силу внесистемная оппозиция, происходит «политизация улицы».

К смене власти в Иране может привести возобновление экономических санкций, что обусловит рост цен и безработицы, взлет инфляции и – соответственно – усиление протестной активности широких слоев населения, живущих за чертой бедности, поддержку которых власть до сих пор воспринимала как должное. Представляется, что лишь большая война сможет привести к консолидации иранского общества. Однако, поскольку КСИР выступает в качестве механизма мобилизации и контроля, смена власти в Иране не может произойти «случайно». Корпус представляет собой самостоятельный государственный институт с собственной политической повесткой, которую верховная власть допускает, пока КСИР эффективно справляется с возложенными на него задачами. Корпус представляет собой гибрид исполнительного органа власти и бизнес-корпорации.

Что касается поиска более устойчивой модели развития, в появлении которой заинтересованы все группы иранской политической элиты (в том числе КСИР), можно констатировать, что сама концепция «государства просвещенных» имеет большой модернизационный потенциал. Верховная власть может осуществлять контроль и защиту «государства просвещенных» и «государства праведных», а плюрализм мнений и межфракционная борьба могут быть сбалансированы в форме парламентаризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно резюмировать, что в последние два десятилетия КСИР как политический институт начал выполнять функции специального экономического агента и использовать нерыночную власть для усиления рыночной, которая, в свою очередь, способствует усилению его политического влияния. И экономическая, и политическая власть Корпуса будет расти. Хотя позиции консерваторов сильны, в иранских правящих кругах растет понимание того, что модернизация политической системы неизбежна. На выборах 2017 г. за президента Рухани проголосовало уже на пять миллионов иранцев больше, чем в 2013 г. Результаты выборов позволили президенту Ирана впервые публично высказаться по вопросу об основах власти Верховного лидера, причем Рухани заявил, что политическая легитимность религиозного лидера зависит от воли народа. Однако представляется, что политические процессы в Иране обретут характер демократизации исламских институтов власти и что официально принципы аятоллы Хомейни о нелегитимности светской власти и неразделенности духовной и светской власти не будут поставлены под сомнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

Графов Д. Б. Корпус стражей Исламской революции, администрация верховного лидера и исламские благотворительные фонды в экономике Ирана. *Вестник Института востоковедения*

ПАИ, 2018. № 2. С. 37–46. [Grafov D. B. Engagement of Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC) in the Execution of Imam Khomeini's Order and Bonyads in the Iranian economy. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2018. № 2. Pp. 37–46] (in Russian)].

Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М., 2009 [Iran. History, economy, culture. Dedicated to the memory of S.M. Aliyev. M., 2009 (in Russian)].

Конституция Исламской республики Иран. 2018 [The Constitution of the Islamic Republic of Iran. 2018 (in Russian)]. – URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf.

Манчухри А. Политическая система Ирана. СПб., 2007 [Manchhuri A. *The Political system of Iran*. Saint Petersburg, 2007 (in Russian)].

Мартыненко М. Процесс политической модернизации Ирана. *Свободная мысль*. 2014. № 5 (1647). С. 73–85 [Martynenko M. The process of political modernization of Iran. *Svobodnaya mysl'*. 2014. № 5 (1647). Pp. 73–85 (in Russian)].

Abbas Djavadi. “Even Iran Can Change”. *Peyvand*. 6 November 2009. – URL: <http://www.payvand.com/news/09/jun/1119.html>.

After Iran's nuclear pact, state firms win most foreign deals. *Reuters*, 19.01.2017. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-contracts-insight-idUSKBN15328S>.

After one day in detention, brother of Iran president released. *The Baghdad Post*. 17.07.2017. – URL: <http://www.thebaghdadpost.com/EN/story/14504/After-one-day-in-detention-brother-of-Iran-president-released>.

Amoli Larijani attends Judiciary Basij meeting. *Mehr News Agency (MNA)*. 23.11.2016. – URL: <https://en.mehrnews.com/photo/121558/Amoli-Larijani-attends-Judiciary-Basij-meeting>.

Expanding business empire of Iran's Revolutionary Guards. *BBC*. 26.07.2010. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-10743580>.

Hossein Fereidoun, brother of Iran's president, is arrested. *The Guardian*. 16.07.2017. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jul/16/hossein-fereidoun-hassan-rouhani-brother-iran-arrested>.

Iran hardliners, pragmatists show unity in response to Trump. *Reuters*. 10.10.2017. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-usa-irgc/iran-says-u-s-would-aid-terrorism-if-it-declared-revolutionary-guards-terrorists-idUSKBN1CF0R0>.

Iranian opposition figure asks Rouhani for court hearing. *Reuters*. 10.04.2016. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-politics-karroubi/iranian-opposition-figure-asks-rouhani-for-court-hearing-idUSKCN0X70PD>.

Iran President Hassan Rouhani's brother arrested on financial crime charges. *Turkuvaz haberleşme ve yayincılık anonim şirketi*. 16.07.2017. URL: <http://www.aneews.com.tr/world/2017/07/16/iran-president-hassan-rouhanis-brother-arrested-on-financial-crime-charges>.

Iran protests: IRGC unable to reinstate the atmosphere of repression. *Al-Aarabiya-English*. 10.07.2018. – URL: <http://english.alarabiya.net/en/features/2018/02/03/Iran-protests-IRGC-unable-to-reinstate-the-atmosphere-of-repression-.html>.

Iran: Shell And Repsol Pull Out Of Regime's Gas Project. *National Council of Resistance of Iran*. 12.05.2008. – URL: <https://ncr-iran.org/en/iran-world/iran-shell-and-repsol-pull-out-of-regimes-gas-project>.

Iranian President Hassan Rouhani's brother detained. *BBC News*. 16.07.2017. – URL: <https://www.bbc.co.uk/news/amp/world-middle-east-40624813>.

Iran's elite Guards to gain regional, economic power in post-sanctions era. *Reuters*. 19.01.2016. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-sanctions-guards-insight/irans-elite-guards-to-gain-regional-economic-power-in-post-sanctions-era-idUSKCN0UX2M3>.

Iran's Government and Revolutionary Guards Battle for Control of Economy. *WSJ*. 18.05.2016. – URL: <https://www.wsj.com/articles/irans-government-and-revolutionary-guards-battle-for-control-of-economy-1463584510>.

Katzman K. Iran Sanctions. *Congressional Research Service Report*. April 18.04.2018. – URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS20871.pdf>.

Khamenei controls massive financial empire built on property seizures. *Reuters*. 13.11.2013. – URL: <https://www.reuters.com/investigates/iran/#article/part1>.

Mehdi K. Iran's Revolutionary Guards Corps, Inc. *The Washington Institute for Near East Policy*. 17.08.2007. – URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-revolutionary-guards-corps-inc>.

Rouhani acknowledges Iranian discontent as protests continue. *The Guardian*. 31.12.2017. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/31/protesters-who-spread-fear-and-violence-will-be-confronted-says-iran>.

The Guard Entering the Economy Was the Wish of Hashemi to Help the Government. *Mehr News* (Iran). 5.05.2010. – URL: <http://www.mehrnews.com/fa/newsdetail.aspx?>

The Islamic Revolutionary Guard Corps: Military and Political Influence in Today's Iran. *The Brookings Institution*. 18.11.2008. – URL: <https://www.brookings.edu/events/the-islamic-revolutionary-guard-corps-military-and-political-influence-in-todays-iran/>.

The Rise of Iran's Revolutionary Guards' Financial Empire: How the Supreme Leader and the IRGC Rob the People to Fund International Terror. *NCRI-U.S. Representative Office*. 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГРАФОВ Дмитрий Борисович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Dmitry B. GRAFOV – PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.